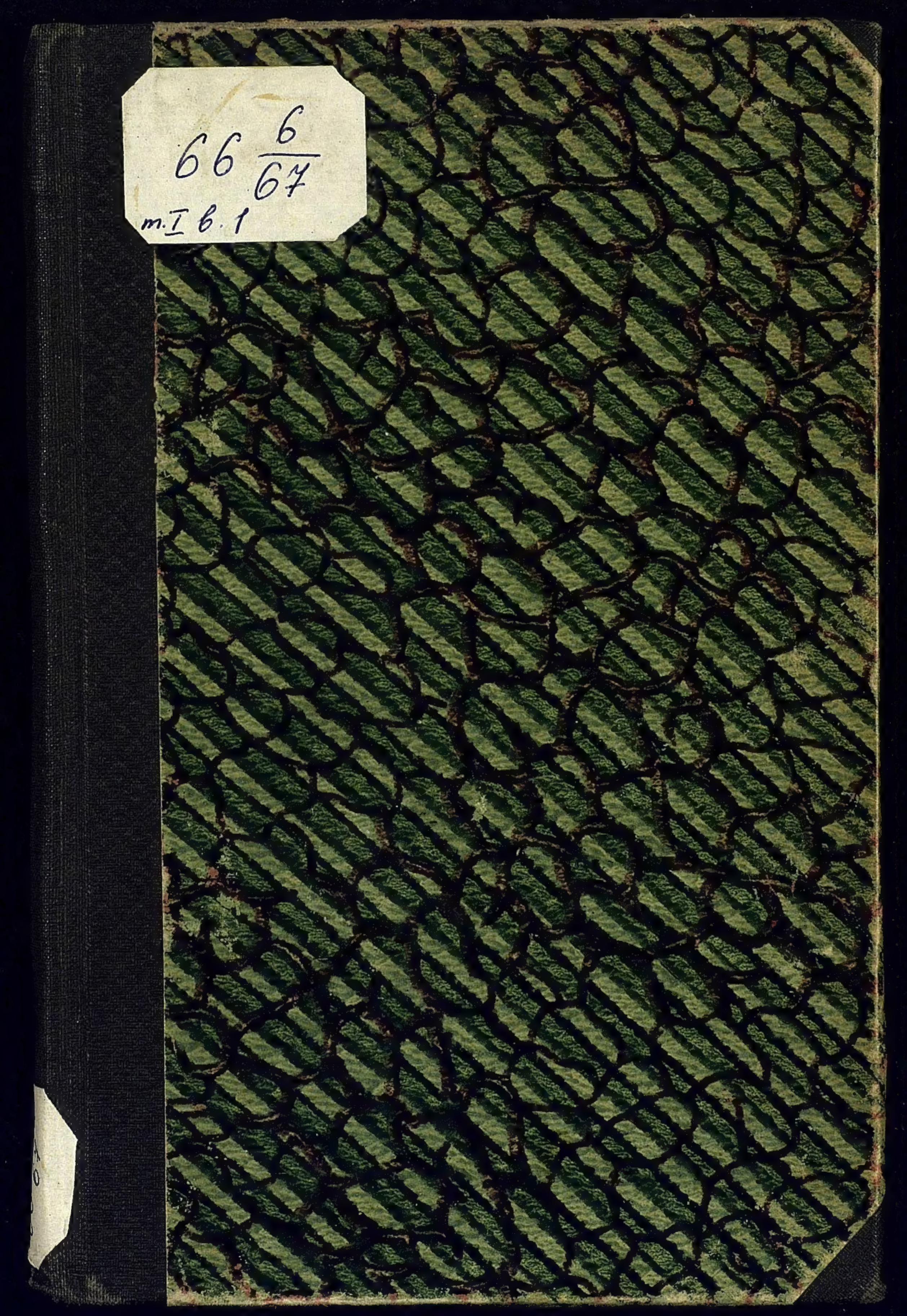
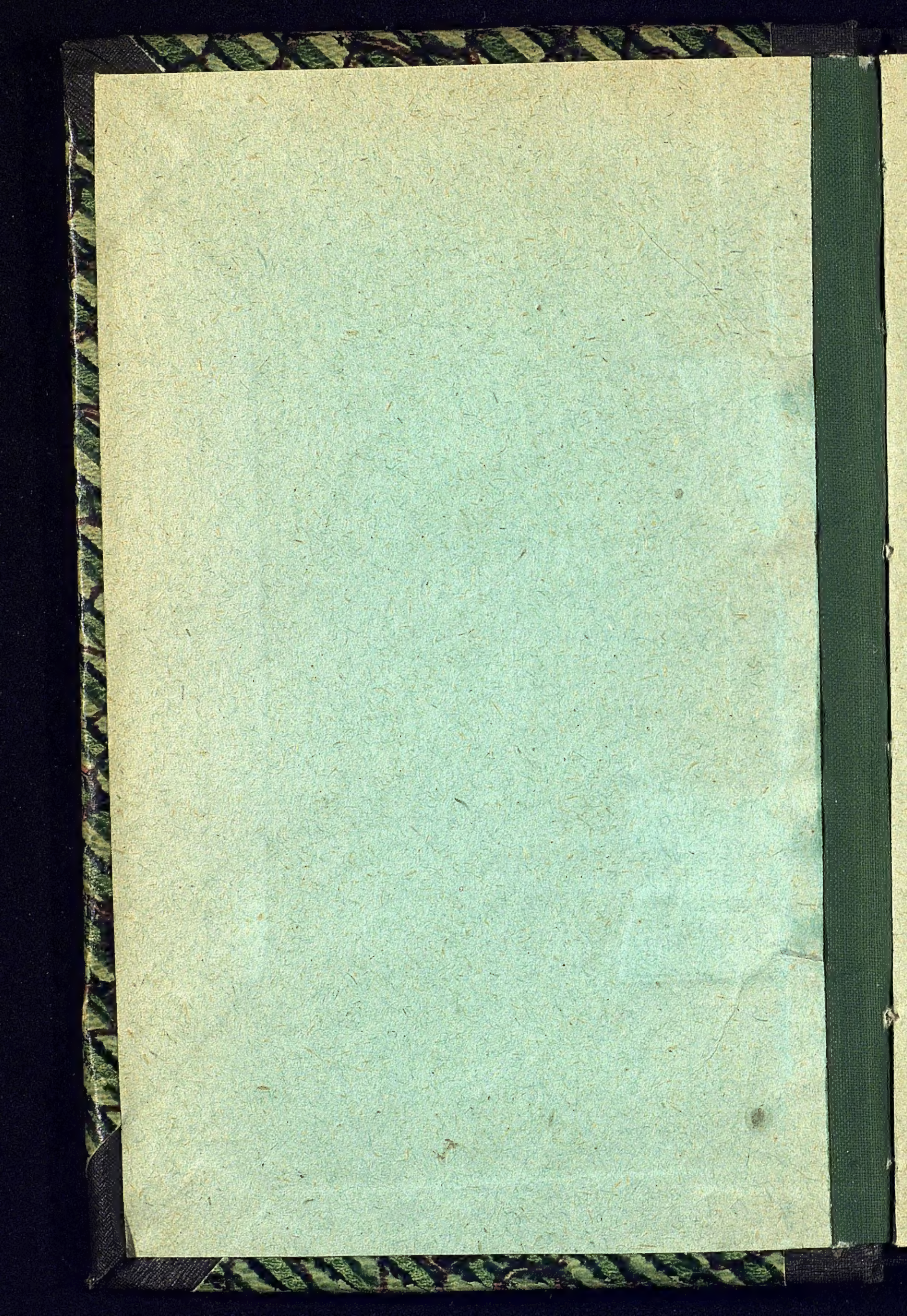


66 6/67
т. I в. 1





БЫТЪ ПОДОЛЯНЪ.

ИЗДАНІЕ

К. Шейковскаго.

ТОМЪ I.

ВЫПУСКЪ I.

Содержаніе перваго выпуска:

Предисловіе.

О гаивкахъ.



Бытовыя пѣсни: (рекрутскія, чумацкія, пѣсня сапожниковъ). Коломейки.



КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. и А. ДАВИДЕНКО.

1860.

БЫТЪ ПОДОЛЯНЪ.

К. Шейковскаго.

ТОМЪ I.

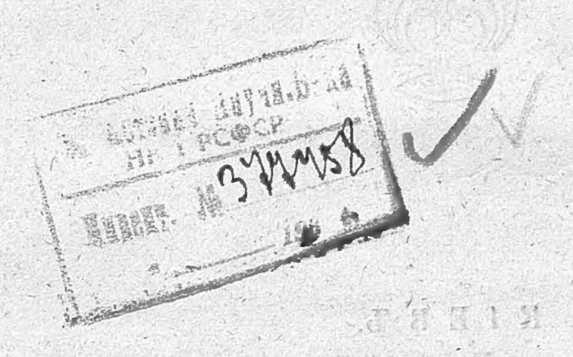
Выпускъ I.

КІЕВЪ.
Въ типографіи И. и А. Давиденко.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ, 22-го Ноября 1859 года.

Цензоръ *А. Лазовъ.*



«Государства, провинціи, страны имѣ-
«ютъ свои хроники; герои, великіе люди,
«преступники-свои біографіи. Полки цѣлой
«библіотеки ломаются подъ тяжестью то-
«мовъ, посвященныхъ одной исторіи пчелъ;
«шелковичные черви, муравьи, бабочки
«имѣютъ свои лѣтописи. Ученые знаютъ
«какъ живутъ и умираютъ эфемериды,
«инфузоріи; древесный мохъ и грибы
«служатъ предметомъ продолжительныхъ
«и упорныхъ изслѣдованій ученыхъ....
«Забытымъ остался только человѣкъ!»

Бонмеръ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Многіе у насъ посвящали свои труды изученію народнаго быта. Но не смотря на болѣе или менѣе значительныя сочиненія по этому предмету Гг. Снегирева, Сахарова, Пасѳека, Терещенка, Аѳанасьева, и др. все еще ощутительны по этому предмету значительные пробѣлы. Оно иначе и быть не могло. Всѣ эти писатели избирали для себя большую задачу, не владѣя средствами къ выполненію ея. Они хотѣли изобразить бытъ русскаго народа, тогда какъ не было еще предварительныхъ работъ по этому предмету, не было обнародовано и матеріаловъ для

этой цѣли. Понятно, что они должны были и собирать матеріалы для своего труда и рисовать картину народнаго быта. Но писатели эти не собрали всѣхъ матеріаловъ, сюда относящихся, а тѣмъ менѣе могли начертить картину народнаго быта, не имѣя всѣхъ данныхъ: апріорная метода приложима здѣсь менѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Гораздо естественнѣе было бы начать дѣло съ собранія и обнародованія матеріаловъ. При собираніи матеріаловъ необходимо ограничиться извѣстною мѣстностью, въ противномъ случаѣ, мы рискуемъ не собрать всѣхъ матеріаловъ, или, по крайней мѣрѣ, не обнародовать собранныхъ матеріаловъ, что и случилось съ Ходаковскимъ и Кирѣевскимъ. Когда так. обр. будутъ собраны по всѣмъ мѣстностямъ и обнародованы матеріалы, касающіеся народнаго быта, тогда только съ успѣхомъ можно приступить къ изображенію полной картины внутренней жизни народа. Вотъ почему намъ кажется, что наше изданіе, спеціально занимающееся бытомъ на-

рода извѣстной мѣстиости, не будетъ лишено интереса для изучающихъ народный бытъ. Понятно, что для нихъ оно можетъ служить только матеріаломъ, но въ тоже время, оно будетъ изображать и картину быта избраннаго нами для изученія народа.

«Бытъ Подолянъ» будетъ выходить выпусками отъ 3 до 4 листовъ. Шесть выпусковъ составятъ томъ. Каждый выпускъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ посвящается статьямъ, знакомящимъ съ бытомъ Подолянъ; второй будетъ наполняться матеріалами, сюда относящимися. Здѣсь найдутъ себѣ мѣсто пѣсни, сказки, пословицы, поговорки, повѣрья, загадки, анекдоты, фацеціи и т. п. Этимъ мы даемъ возможность познакомиться съ умственнымъ развитіемъ Подолянъ по источникамъ первой руки. Къ тому же, подобное обнародываніе матеріаловъ будетъ важно и для разрабатывающихъ южнорусскій языкъ въ филологическомъ отношеніи и необходимо для будущаго полнаго сборника народныхъ произ-

веденій, котораго мы когда нибудь да дождемся.

Въ первомъ отдѣлѣ слѣдующаго выпуска будетъ помѣщена статья «о похоронахъ въ Подольской губерніи,» а во второй войдутъ загадки, такъ какъ у насъ менѣе всего обращаютъ вниманія на загадки, вслѣдствіе чего ихъ очень мало обнародовано. Сюда войдутъ не только загадки въ специальномъ смыслѣ этого слова, но и всѣ тѣ народныя произведенія, основою которыхъ служитъ загадка, и которыя могутъ пролить свѣтъ на подобныя письменныя произведенія находящіяся въ рукописныхъ сборникахъ XVI и послѣдующихъ столѣтій. При изложеніи загадокъ мы будемъ дѣлать, гдѣ это нужно, сближенія съ подобными произведеніями у другихъ славянъ.

Въ заключеніе не лишиимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о южно-русскомъ правописаніи, которому мы слѣдовали. Нельзя не сознаться, что въ южно-русскомъ правописаніи до сихъ поръ господствуетъ страш-

ный хаосъ. Особенно правописаніе г. Кулиша съ его слишкомъ дѣланною литературою обличаетъ въ немъ сильное знаніе фонетики южно-русскаго языка. Наше правописаніе основано на изученіи фонетическихъ свойствъ южно-русскаго языка, сравнительно съ свойствами другихъ славянскихъ языковъ. Составъ всѣхъ словъ южно-русскаго языка слагается изъ слѣдующихъ звуковъ: а. б. в. ґ (=g) г. д. е. џ (=дж) ж. ѕ (=дз) з. и. к. л. м. н. о. п. р. с. т. у. ф. х. ц. ч. ш. щ. ы. э (приближается къ звуку ы) я. є (=ѥ) і (мягкое). й. ю. ї̂о. ў (звучитъ какъ англ. w, или Кирил. оу.) Кромѣ простыхъ звуковъ, мы исчислили здѣсь и нѣкоторыя комбинаціи ихъ. Но въ южно-русскомъ языкѣ есть еще слѣдующія комбинаціи звуковъ: 1., усиленныя согласныя: въ. бъ. пъ. зъ. мъ и т. п. 2.) смягченныя согласныя: д.' ѕ.' л.' н.' р.' с.' т.' ц.' 3., наконецъ, такъ называемые ассимилированные дифтонги: д'д. ж'ж. з'з. л'л. н'н. 'рр. с'с. т'т. ц'ц. ч'ч. Мы считаемъ не умѣстнымъ входить здѣсь въ подробныя объяс-

нения природы этихъ звуковъ: это слишкомъ далеко завлекло бы насъ. Мы надѣемся скоро издать «опытъ фонетики южно-русскаго языка», гдѣ подробно объяснимся.

К. Шейковскій.

КІЕВЪ.

1859 года, Ноября 13.

О «ГАІВКАХ».

Слово „гаівка“ (per metathesin „ягілка, (*) по польски gaik, haiłka, gajuwka) одного корня съ словами „гаіты, гаятыс', гаітыс'“ = проводить время, забавляться, и вообще означаетъ игрище; но въ частности подъ именемъ „гаівок“ въ Подольской губерніи извѣстны хороводы, которые отправляются дѣвушками на Свѣтлое Воскресеніе. Далѣе мы увидимъ болѣе подробное объясненіе этихъ словъ, характеризующее извѣстное міровоззрѣніе. У нашихъ изслѣдователей народнаго быта гаивки не описаны. По этому мы прежде всего и взялись за нихъ. Но что бы установить нашу точку зрѣнія на гаивки, мы должны предпослать нѣсколько словъ о хороводахъ вообще.

*) Не отсюда ли происходитъ слово яга? Впрочемъ баба-яга извѣстна у подолянъ подъ именемъ «енʒа», что созвучно съ названіемъ ея у венгерскихъ славянъ «ензи». Kollar: Nàrod. Zpiew. Ч. I. Стр. 12.

Въ доисторической эпохѣ каждаго народа различаютъ нѣсколько ступеней развитія. Первую изъ нихъ можно назвать аморфизмомъ: здѣсь все еще представляется въ хаосѣ, еще не обособилось, и находится только въ зачаткахъ. Въ этотъ темный лабиринтъ ведетъ только языкъ, произведеніе этой эпохи. Эта спупень, болѣе и болѣе обособляясь, переходитъ въ некромантизмъ, гдѣ уже устанавливается культъ, и міровоззрѣніе народа формулируется въ извѣстные обряды. За тѣмъ, міросозерцаніе выступаетъ въ формѣ натурализма, хотя и прежняя фаза развитія служитъ уже преддверіемъ къ нему. Натурализмъ распадается на астрализмъ, литоморфизмъ, фитоморфизмъ, зооморфизмъ и антропоморфизмъ, который завершается гуманизмомъ, составляющимъ ядро антропоморфизма, внутреннюю его сторону. Конечно, такія разграниченія создала только наука; на дѣлѣ же но большей части случается такъ, что послѣдующую ступень развитія сопровождаютъ обломки прежняго быта. Обломки эти, правда, блѣднѣютъ передъ господствующимъ міровоззрѣніемъ, теряютъ часть своей святыни, и, по отношенію къ нему, считаются суевѣріями. Въ то время, когда одинъ культъ

переходитъ въ другой, понятія прежняго культа более или менѣе искажаются и подлаживаются подъ господствующее міровоззрѣніе. По этому нужна особенная осторожность при реставраціи народныхъ вѣрованій: ихъ надо анализировать до мельчайшихъ атомовъ и распредѣлять эти атомы по извѣстнымъ культамъ. Конечно, это работа нелегкая: часто приходится по едва уцѣлѣвшимъ обломкамъ возсозидать цѣлый образъ міросозерцанія, слѣдить за его развитіемъ и судьбою. Главное, на что при этомъ надо обращать вниманіе, это психическая сторона вопроса.

Каждое міровоззрѣніе формулируетъ особыя, ему одному свойственныя, обрядности, которыя составляютъ внѣшнее выраженіе міросозерцанія. Когда одинъ культъ смѣняется другимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣняются, пересозидаются и самые обрядности. Здѣсь повторяется тоже явленіе, какое мы видѣли и при измѣненіи культа, именно, обряды предшествовавшаго міросозерцанія часто стоятъ рядомъ съ обрядами послѣдующаго культа, конечно уже въ преобразованномъ видѣ.

Извѣстно, что хороводы, а слѣдовательно и гаивки, представляютъ внѣшнюю, обрядовую сторону

извѣстнаго культа. Но при этомъ по необходимости раждается вопросъ при какомъ культѣ могутъ возникнуть хороводы, и какую психическую сторону они выражаютъ собою? Г. Сахаровъ говоритъ: „русскіе хороводы, украшая собою нашу семейную жизнь представляются столько же древними, сколько древня наша жизнь„(*) Но это только фраза. Изъ нея ничего нельзя заключить о началѣ хороводовъ. Несомнѣнно, что при аморфизмѣ они еще не могутъ получить своего начала. По всей вѣроятности, они начинаются въ пору некромантизма. И дѣйствительно, мы знаемъ, что погребеніе у всѣхъ народовъ на первой ступени ихъ развитія сопровождалось извѣстными обрядностями и церемоніями, которыя можно считать началомъ хороводовъ. Кавсаны (Καυσάνοι) печалились при рожденіи человѣка, а смерть возбуждала въ нихъ противуположное чувство. Во время Геродота народы Ѳракіи предавались радости при похоронахъ, выражая тѣмъ, что человѣкъ освободился отъ всѣхъ бѣдствій. У Грековъ и Римлянъ игры и борьба заключали похоронное торжество.

*) Пѣсни Р. нар. Спб. 1838 г. т. II. стр. V. Также сказанія Р. народа Спб. 1841—1849 т. II. кн. 7 стр. 76-

Нѣкоторые народы югозападной Азіи, Вестъ-Индіи, Океаніи и Внутренней Африки и теперь пируютъ надъ трупами умершихъ, потомъ сожигаютъ ихъ, а въ заключеніе совершаютъ различные пляски. Здѣсь то начало хороводовъ, которые въ некромантическомъ культѣ, конечно, не могли еще вполнѣ сформироваться. Это совершилось въ астральномъ культѣ.

Опредѣливъ нашу точку зрѣнія на хороводы, приступимъ къ подробному разсмотрѣнію подольскихъ гаивокъ. Здѣсь мы должны а.) показать отличіе малорусскихъ хороводовъ и гаивокъ отъ хороводовъ русскихъ b.) сгруппировать извѣстныя намъ гаики, с.) сравнить ихъ съ подобными обрядами и показать ихъ смыслъ и значеніе.

А.)

Великорусскими хороводами всегда заправляетъ хороводница. Это пожилая, по большей части, вдовая женщина. Въ южно-русскихъ танкахъ, веснянкахъ и гаивкахъ нѣтъ этой типичной личности иниціативу хоровода беретъ на себя болѣе рѣзвая и опытная изъ дѣвушекъ. Въ велико-русскихъ хороводахъ могутъ участвовать всѣ безъ различія пола и возраста: „русскіе хороводы, говоритъ г. Сахаровъ

доступны всѣмъ возрастамъ: дѣвы и женщины, юноши и старики равно принимаютъ въ нихъ участіе (*). У южно-руссовъ хороводы составляются преимущественно изъ дѣвушекъ. Только въ нѣкоторыхъ гаивкахъ допускается мальчикъ, напр. въ „Володарѣ“. Впрочемъ г. Терещенко представляетъ три мало-русскихъ хоровода, въ которыхъ участвуютъ парубки, это *щитка, горошекъ и толо* (Б. р. нар. ч. IV. стр. 317—318).

Повидимому слѣдовало бы ожидать, что хороводы, не допускающіе замкнутости и исключительности, не дѣлающіе разграниченія между поломъ и возрастомъ должны стоять выше хороводовъ, допускающихъ ограниченія. Однакоже на дѣлѣ оказывается иначе: южно-русскіе хороводы отличаются большимъ эстетическимъ тактомъ, чѣмъ хороводы великорусскіе. Въ южно-русскихъ хороводахъ вы не встрѣтите такихъ игръ, какъ напр. *женина любовь*(**) или *гуляй—гуляй* (***), которая „разыгрывает-

---

*) Сахар. Пѣсни Р. нар. т II. стр. X. ск. Р. нар. т. II. кн. 7. стр. 77.

**) — П. Р. нар. т. II. стр. 16—18. 303—307. ск. Р. нар. т. I. кн. 3. стр. 29. 77. Терещ. ч. IV. стр. 237—244.

***) Тамъ же 45—48 сказ. т. I, кн. 3. 34. Терещ. ч. IV. стр. 259—61.

ся на деревенскихъ праздникахъ, когда *„добренькіе мужья подвыпьютъ, храбрости наберутся, смѣлѣй говорятъ.* Въ это время они прежде всего начинаютъ учить женъ. Другіе, смотря на такихъ мужей, говорятъ: „каково онъ ломается?“ (пѣсни 322—3. сказ. т. I. кн. 3 стр. 80). Нагляднымъ образомъ можно видѣть отличіе южно-русскихъ хороводовъ отъ велико-русскихъ въ игрѣ *„макъ растить“*, извѣстной у обѣихъ народовъ (*). На это характеристическое отличіе великорусскаго хоровода *макъ ростить* и южно-русскаго танка *мак сіяты* указываетъ и г. Максимовичъ. Онъ говоритъ: „игра *макъ весѣять* на Украйнѣ выходитъ красивѣе, чѣмъ въ Великой Руси, ибо здѣсь *маковкою* садится въ срединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а тамъ *макомъ* бываетъ большею частію простачекъ-дѣтина, которому подъ конецъ, когда станутъ отряхивать макъ, достается до слезъ“ (**)

---

*) П. Р. нар. т. II. стр. 5—6. 127—9. 294—6. Сказан Р. нар. т. I кн. 3. стр. 27. 48. 75. «Бытъ русскаго народа» Терещенка. Спб. 1848 г. IV. стр. 27 298—303.

**) Русск Б. 1856 г. № 1. въ смѣси стр. 73.

Г. Терещенко, повидимому, не хочетъ видѣть этого различія въ игрѣ сѣять макъ (*). Но при описаніи ея измѣняетъ своему мнѣнію.

Изъ того, что въ великорусскіе хороводы допускаются разнообразные дѣятели вытекаетъ бóльшая степень ихъ драматизма, сравнительно съ южнорусскими веснянками. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ хороводъ *Донъ Ивановичъ* (**). Къ тому же въ нѣкоторыхъ русскихъ хороводахъ допускаются музыкальные инструменты; напр. балалайка, гусли, какъ въ „Донѣ Ивановичѣ" и въ др, что также придаетъ имъ много оригинальности. Нѣкоторыя гаивки тоже отличаются драматизмомъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ „*Кострубонько*".

Подольскимъ гаивкамъ придаетъ особенный характеръ мѣсто и время ихъ отправленія. Онѣ совершаются на „цвынтарі" (въ церковной оградѣ) на „вэликден'". Гаивки извѣсты во всей Подольской губерніи, выключая деревни, населенныя молдованами. Онѣ распространены также въ прилежащихъ къ По-

---

*) Тер. ч. IV. стр. 301.

**) Сах. П. Р. нар. т. II стр. 8—16. 137—142. 300—3. ск Р. нар. т. I. кн. 3. стр. 28—9- 49—50. 76—7. Терещ. ч. IV. 254—272.

доли частяхъ Волынской и Кіевской губерній. На основаніи одного замѣчанія г. Терещенка можно думать, что гаивки извѣстны и близъ Бреста-Литовскаго (*). Въ „Варшавской Библіотекѣ" текущаго года (№ № 29—31) помѣщена статья J. Grajnerta подъ названіемъ: „Studya nad podaniami" Въ ней, между прочимъ, говорится, что „w Kaliskiém" дѣвицы на Свѣтлое Воскресеніе празднуютъ *„gaik"* въ честь „Haiłek" (№ 29 стр. 509).

Гаивки продолжаются въ разныхъ мѣстахъ не одинаковое число дней. Въ Каменецъ-Подольскѣ онѣ разыгрываются только на первый день Свѣтлаго Воскресенія. По деревнямъ „гаюц'ця" три и четыре дня, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, впрочемъ очень рѣдкихъ, даже цѣлую святую недѣлю. Въ Каменецъ-Подольскѣ нѣкоторыя гаивки поются и на Польскомъ языкѣ, напр. *„Żelman"*, *„przyjechali ludzie"* и др. Но это не самобытныя произведенія.

В.)

Желая разгруппировать извѣстныя намъ гаивки, мы должны установить извѣстный порядокъ. У гг.

---

*) Терещ. ч. IV. стр. 303—4.

Сахарова и Терещенка, не смотря на то, что у послѣдняго изложеніе хороводовъ пересыпано различными сентенціями, нѣтъ никакой системы въ изложеніи хороводовъ.

Хороводы, а слѣд. и гаивки, можно группировать или по ихъ содержанію, или по формѣ. Въ началѣ нашей статьи мы пытались изложить движеніе міросозерцанія. При группировкѣ гаивокъ, на основаніи ихъ содержанія, мы будемъ держаться этого движенія. Так. обр. мы будемъ имѣть психическую основу для группировки гаивокъ. Сначала мы представимъ гаивки съ элементомъ фитоморфизма и зооморфизма, за тѣмъ гаивки съ намеками на стихійный культъ,— на конецъ бытовыя гаивки, на которыя должно смотрѣть, какъ на произведенія антропоморфическаго міровоззрѣнія.

Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на хороводы, то ни какъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Терещенка, будто „духъ хороводныхъ пѣсней есть семейная жизнь“ (*). Это можно сказать только о хороводахъ позднѣйшей формаціи. Самъ г. Те-

*) Терещ. Б. р. нар. ч. IV. стр. 135.

рещенко при изложеніи хороводовъ *макъ растить*, (*) *заиньки* (**) и др. счелъ нужнымъ противорѣчить себѣ.

Разгруппировку хороводовъ по ихъ формѣ предложилъ г. Максимовичъ. „Дѣвическіе танки, говоритъ онъ, по внѣшнему виду бываютъ: 1). *круговые*, которые водятъ, сомкнувшись въ кружокъ, таковы: *макъ-сѣять, кропъ, перепелка, заюшка, ящуръ, король, нелюбъ, переборець* и другіе; 2.) *ключевые*, которые водятъ, сомкнувшись въ *одинъ ключъ*, таковы: *галка, чечітка, горобей, лѣсаниця, кривый-танець* и др.; или же, сомкнувшись въ *два ключа*, какъ въ танкѣ *просо сѣять* и въ *шумъ*." (***)

При разгруппировкѣ гаивокъ мы не можемъ держаться одной ихъ формы, потому что она очень разнообразна. Мы будемъ группировать гаивки по ихъ содержанію, не оставляя въ тоже время, безъ вниманія и внѣшней ихъ формы. Каждая гаивка имѣетъ особыя названія, которыя здѣсь и приводятся.

---

*) Тамъ же: стр. 278: «въ этой игрѣ, гов. г. Тер. не видно ни одной черты семейнаго быта: одно веселіе и удовольствіе управляетъ хороводомъ».

**) Тамъ же: стр. 274—8.

***) Русск. Б. 1856 № 1. Въ смѣси 72. стр.

1.) Роман-зіл'ля.

Коло млына кремена,
Там дівчына ходыла,
Роман-зіл'ля копала,
Сама ж іого нэ знала.
Понéсла ж го до рады
До чоловічої громады.
Чоловічкы нэ зналы
И ў ручен'кы нэ бралы.
Понéсла ж го до рады
До парубочої громады:
Парубочкы нэ зналы
И ў ручен'кы нэ бралы.
Понéсла ж го до рады
До жіночої громады.
А жіночкы нэ зналы
И ў ручен'кы нэ бралы.
Понéсла ж го до рады
До дівочої громады;
А дівочкы пізналы,
И ў ручен'кы узялы:
„Цэ се зіл'ля кадыло,
„Що по церкві ходыло

„Йсуса Христа водыло."

Гаивка эта одноключевая, въющаяся. Такимъ же точно образомъ хороводъ идетъ и при пѣніи *„крывого тан'ця," „яворыка," "чи дыво"* и *„кому воля."* Гаивка-роман-зіл'ля записана въ с. Шарапановкѣ Ольгопольскаго уѣзда. Судя по ея напѣву, внѣшней формѣ и нѣкоторымъ словамъ, вышедшимъ изъ употребленія (напр. кремена, роман-зіл'ля=ромашка?), можно думать, что она очень древня.

2.) Огірочкы.

А выйтеся їогірочкы,
Зеленії пупляночкы.
Тож ся вьют. 2.
А другі ся прыглядают.
Чи хороше росц'вітают.
Тож ц'вітут. 2.

„Огірочкы"—гаивка тоже одноключевая. Дѣвушки вьются на подобіе огурцовъ. Она записана въ ушицкомъ уѣздѣ.

3.) Горошок.

Выйся, горошку, ў два стручкы,
ў два стручкы.
Зароды, Божэ, чотырэ,

Чотырэ,

Щоб ся парубкы жэнылы,

Жэнылы.

Та нас на вісіл'ля просылы,

Просылы.

Это очень игривая гаивка. Хороводъ въется на подобіе гороху. Дѣвушки берутся за руки и ходятъ вокругъ церкви: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ хороводъ красивѣе. Задній конецъ хоровода начинаетъ виться по-подъ руки и становится въ началѣ хоровода, а конецъ опять начинаетъ виться горохомъ. Этотъ хороводъ отчасти похожъ на „огірочкы."

4.) Мак.

Ой на горі мак,

Під горою й так...

Мої мылі соколочкы!

Стан'те мэні до помочкы:

Стан'те ўсі ў рад!

„*Мак*" гаивка круговая. Этотъ куплетъ постоянно повторяется, но хороводъ разнообразится различными жестикуляціями, напр. когда первый разъ пропоютъ всѣ захлопаютъ, въ другой разъ сбѣгутся въ кучу, третій разъ присядутъ и т. п.

5) Яворык.

Коло млына-млына,
Там дівчына ходыла.
Яворэ-яворыку,
Тонкый, зэлэнен'кый!

Аж там выйшло
Тры місяці ясных,
Тры парубкы красных.
Яворэ-яворыку,
Тонкый, зэлэнен'кый!

Аж там выйшло
Тры зірон'кы ясных,
Тры дівчыні красных.
Яворэ-яворыку,
Тонкый, зэлэнен'кый!

При пѣніи этой гаивки хороводъ идетъ, какъ и при пѣніи „роман-зіл'ля.“ Она записана въ Шарановкѣ, но не окончена.

6.) Діброван'ка, она же и «дощэчка.»

А вэрбовая дощэчка, дощэчка;
Там ходыла Настэчка, Настэчка;
Та цэбром воду носыла, носыла,
Діброван'ку гасыла, гасыла.

Кіл'ко ў цэбрі водыці, водыці,
Тіл'ко дівкам правдыці, правдыці;
Кіл'ко ў цэбрі ѕюрочок, ѕюрочок.
Тіл'ко дівкам болячок, болячок.(*)

Що ступлю, то ўлуплю...
Навару я кашы....
Що ў тіі каші?
Грудочка масла.
Хто і будэ істы?
Дівочкы, дівочкы.

Я вэрбовая дощэчка, дощэчка;
Там ходыла Настэчка Настэчка;
Рэшэтом воду носыла, носыла,
Діброво'ку гасыла, гасыла.
Кіл'ко ў рэшэті водыці, водыці,
Тіл'ко парубкам (**) правдыці, правдыці,
Кіл'ко ў рэшэті ѕюрочок, ѕюрочок,
Тіл'ко парубкам болячок, болячок.

---

*) Въ «Сборникѣ южно-русскихъ пѣсень» А. Метлинскаго на стр. 297—8. эти 8 стиховъ съ нѣкоторыми измѣненіями помѣщены въ числѣ веснянокъ, съ подписью Житомир. Изъ сличенія очевидно, что это отрывокъ изъ подольской гаивки.

**) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто слова парубки, употребляется «паны». Разумѣется, это бываетъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ отношенія между панами и крестьянами основаны на бамбуковомъ патріархализмѣ.

Що ступлю, то ў̈луплю.
Навару я кашы.
Що ў̈ тіі каші?
Чэрвъячкы, чэрвъячкы.
Хто і будэ істы?
Парубки, парубкы.
А вэрборая дощэчка, дощэчка;
Там ходыла Настэчка, Настэчка.
Та цэбром воду носыла, носыла,
Дібровон'ку гасыла, гасыла.
Кіл'ко ў̈ цэбрі водыці, водыці,
Тіл'ко дівочкам правдыці, правдыці.
Кіл'ко ў̈ цебрі ѕюрочок, ѕюрочок,
Тіл'ко дівочкам болячок, болячок.
Що ступлю, то ў̈луплю.
Навару я кашы.
Що ў̈ тіі каші?
Гусяча лапка.
Хто і будэ істы?
Дівочкы, дівочкы.
А вэрбовая дощэчка, дощэчка;
Там ходыла Настэчка, Настэчка.
Рэшэтом воду носыла, носыла,

Та дібровон'ку гасыла, гасыла.
Кіл'ко ў рэшэті водыці, водыці,
Тіл'ко парубкам правдыці, правдыці.
Кіл'ко ў рэшэті ѕюрочок, ѕюрочок,
Тіл'ко парубкам болячок, болячок.(*)
Що ступлю, то ўлуплю.
Навару я кашы.
Що ў тіі каші?
Жабяча лапка.
Хто і будэ істы?
Парубкы, парубкы.

Это одна изъ ощеизвѣстныхъ гаивокъ. Мы списали ее въ Шарапановкѣ. Во внѣшней формѣ ея есть особенность. Дѣвушки по двѣ берутся особымъ образомъ за руки, образуя ихъ 4 рукъ параллелограмъ. Въ такомъ видѣ онѣ становятся подъ рядъ, обрязуя изъ этихъ параллелограммовъ родъ доски. По этой доскѣ ходитъ маленькая дѣвочка. Хороводъ идетъ кругомъ церкви. Дѣвушки, по рукамъ которыхъ уже прошла упоминаемая „Настэчка", постоянно переходятъ напередъ и опять подставляютъ руки.

*) Иногда, вм. болячок, употребляется дівочок.

7.) Заінїок.

Заін'ку! за головон'ку....
А ні тобі, заін'ку,
А ні выскочыти,
А ні тобі, заін'ку,
А ні выглянуты.(*)
Заін'ку! плечі-гречі....
Заін'ку! скокы-ў боκы....
Заін'ку! ушка-псяюшка....
Заін'ку! сін'ця-ў-колін'ця....
Заін'ку! пъяты-мъяты.
А ні тобі, заін'ку,
А ні выскочыты;
А ні тобі, заін'ку,
А ні выглянуты.
Заін'ку! обэрныся,
Кого любыш, обіймыся!

Это гаивка круговая. Дѣвушки составляютъ плотный кругъ, въ срединѣ котораго находится представляющая „Заін'ка“ и исполняющая все, о чемъ поетъ хороводъ. Когда поется

*) Четыре послѣднихъ стиха повторяются послѣ каждаго обращенія къ «заинькѣ».

„Заін'ку! обэрныся,
„Кого любыш, обіймыся"

она беретъ какую-нибудь дѣвушку изъ круга, и та идетъ на ея мѣсто. Хороводъ опять начинаетъ туже пѣсню, или поетъ другую:

Ой ты зайчыку-білодайчыку!
Ой поплын'-поплын' по Дунайчыку.
Рошчешы русу косу,
Приглад' си чорні брівкы,
Воз'мыся по-піт пашкы,
Гляды си товарышкы.

Находящаяся въ срединѣ круга выполняетъ то, о чемъ поется въ гаивкѣ, а по окончаніи ея беретъ какую-нибудь дѣвушку изъ круга, которая идетъ на ея мѣсто.

Заинька очень распространенный хороводъ. Ближе всего подходитъ къ нашей гаивкѣ „заюшка," переданный г. Максимовичемъ.(*) Другіе варіанты этаго хоровода можно видѣть у г. Сахарова (**) и у г. Терещенка.(***)

---

*) Р. Бесѣд. 1856 № 1. въ смѣси 73—4.
**) П. Р. Н. ч II. стр. 113—14. 260—252. 338. Сказ Р. нар. т. I. кн. 3 стр. 46. 71. 83.
***) Б. Р. нар. ч. IV. стр. 274—278. ч. V. стр. 22—3.

8.) Горопчык.

Ой горопчыку-спатку!(*)
Чи бував же ты ў садку?
Чи выдав же ты як
Сіют мак, сіют мак?
—Ой так-какъ сіют мак,
Як пэтрушку й пастырнак.

Это гаивка круговая. Въ серединѣ круга стоитъ дѣвушка, представляющая собою воробья и поетъ послѣдніе два стиха. Гаивка эта записана въ Каменцѣ.

9.) Шум.

А ў нашого Шума зэленая шуба.
А Шум ходыт по діброві.
А шумыха рыбу ловыт.
Що на ловыла, той пропыла,
Доц'ці шубы нэ справыла.
Почкай, доню, до суботы,
Будэ шуба и чоботы.
Субота мынае,
А чобіт нэ мае.

---

*) У г. Терещенка эта гаивка помѣщена въ числѣ дѣтскихъ игръ: Горобѣичко шпачку- шпачку!
Чи бував ти въ садку, въ садку и пр. ч. IV. 13—15.

Почкай, доню, довівтірка,

Будэ шуба и сібірка.

Г. Максимовичъ описалъ внѣшнюю форму этого танка,(*) гдѣ представилъ варіантъ нашей гаивки, извѣстной впрочемъ только въ мѣстахъ, граничащихъ съ Кіевскою губернію. Онъ также старался докопаться до таинственной личности „Шума". „Въ этомъ *Зеленомъ Шумѣ* дѣвчатъ, говоритъ онъ, отозвался Днѣпръ, убирающійся въ зелень своихъ луговъ и островоръ, шумящій въ весеннемъ разливѣ своемъ и дающій тогда полное приволье рыболовству". Так обр. онъ хочетъ видѣть въ этомъ танкѣ элементъ Мастихійнаго культа. Для подтвержденія этого г. Максимовичъ приводитъ *наглядное* доказательство:" въ одно весеннее утро я видѣлъ злѣсь, что и воды Днѣпра, и его песчаная *Бѣлая-коса* за *Шумиловкою*, и самый воздухъ надъ нимъ — все было *зелено*.... Въ то утро дулъ провывистый *горишній* т. е. верховой ? вѣтеръ, набѣгая на прибрежные *ольховые кусты*, бывшіе тогда въ цвѣту, онъ поднималъ съ нихъ цѣлыя облака зеленоватой цвѣточной пыли, и развѣвалъ ее по всему полуденному небосклону(**)".

*) Русск Б. 1856 № 1. стр. 77 въ смѣси.
**) Тамъ же.

Признаться, для насъ не убѣдительно это *наглядное* доказательство, и мы не можемъ считать лицо „Шума“ объясненнымъ. Впрочемъ мы не беремся гадать о немъ, не имѣя для этого данныхъ. Гаивку о „Шумѣ“ мы относимъ къ бытовымъ гаивкамъ, не отвергая впрочемъ того, что, быть-можетъ, бытовое ея содержаніе есть позднѣйшая передѣлка какой-нибудь древней гаивки о миѳическомъ Шумѣ. Мы говоримъ только, что нѣтъ данныхъ къ объясненію ея. И пока ихъ не будетъ, мы считаемъ за лучшее видѣть въ ней позднѣйшую формацію, чѣмъ придать ей произвольныя толкованія.

10.) Кострубон'ко.

Это круговая гаивка. Въ серединѣ круга находится дѣвушка. При началѣ пѣсни, она подходитъ къ кому нибудь изъ участвующихъ въ хороводѣ и говоритъ: „Христосъ Воскрес!“ Та отвѣчаетъ: „воистыну воскрес“. Первая спрашиваетъ: „чи нэ бачылы вы мого кострубон'ка?“ Тв отвѣчаетъ: „пішов ў поле ораты“. Первая берется за голову, представляетъ будто плачетъ и начинаетъ томнымъ голосомъ пѣть, а хороводъ продолжаетъ:

Бідна ж моя головочко,

Нэсчаслыва годыночко!
А щож бо я наробыла,
Що Коструба нэ злюбыла!
Прыйди-прыйды, Кострубочку!
Стану с тобоў до шлюбочку
А ў нэділю-ў нэділэчку.
Пры ран'іому сніданячку!

Во время пѣнія этихъ словъ, дѣвушка, находящаяся среди круга, ходитъ съ поникшей головой, закрывъ глаза платкомъ, или рукою. Когда кончатъ пѣніе, она подходитъ къ той же дѣвушкѣ, съ которою прежде разговаривала, и опять заводитъ съ нею рѣчь:

Хрыстос Воскрес!

Та отвѣчаетъ:

Воістыну воскрес.

Первая:

Чи нэ выділы мого Коструба?

Вторая.

Пішов ў поле сіяты.

Тутъ происходитъ таже сцена, что̀ и прежде, а хороводъ поетъ:

Бідна ж моя головон'ко,

Нэсчаслыва годынон'ко!
А що ж бо я наробыла,
Шо Коструба нэ злюбыла.
Прыід'-прыід' Кострубон'ку,
Стану с тобоў до шлюбон'ку,
А ў нэділю, ў нэділэчку
Пры раному с'ніданнячку.

Пѣніе сопровождается тою же сценою, что и прежде. Послѣ идетъ тотъ же разговоръ. Но на этотъ разъ на вопросъ о Кострубонькѣ отвѣчаютъ, что „Коструб лэжыт на полі слабый". Послѣ этого хороводъ опять поетъ. Тяк. же обр. хороводъ продолжается и тогда, когда дѣвушкѣ скажутъ, что „Коструб ўже ўмер" и „ўже вэзут на цвынтар". Когда же она получитъ отвѣтъ, что „Коструба ўже поховалы, то вдруъ принимаетъ веселый видъ, плещетъ въ ладоши и топаетъ ногами, а хороводъ поетъ весело:

Хвалю Тэбе, Хрысте Цару,
Що мій мылый на цвынтару!
Ножэн'камы прыдоптала,
Ручэн'камы прыплэскала.
А тэпер, мій Кострубон'ку,
Нэ лай, нэ лай моі мамі:

Ты ў глібокі уже ямі!

Эта гаивка принадлежитъ къ числу общеизвѣстныхъ въ Подольской губерніи. У Жеготы Паули(*) и у г. Максимовича (**) есть варіанты Кострубонька. Къ сажалѣнію сборника Паули у насъ не было подъ рукой, и мы не имѣля возможности сравнить нашего Кострубонька съ Галицкимъ. Г. Максимовичъ опять пытается объяснить Кострубонька. Онъ говоритъ: „южно русскій Кострубонько, оживающій въ началѣ весны и погребаемый въ заключеніе ея, есть сама *весна,* олицетворенная въ мужескомъ видѣ. Это одно лице съ великороссійскимъ *Костромою* и съ *Ярилом*ъ, въ которомъ мы уже признали языческаго *бога весны.*- Въ украинскомъ просторѣчіи бранчивое слово *кострубъ* означаетъ нечесу, кудлая; это даетъ намъ мысль, что украинскій миѳическій веснякъ былъ представляемъ съ головою всклокоченною. Такъ имена языческихъ божествъ, переходя въ нарицательныя имена, удерживали нѣчто отъ ихъ свойствъ или принадлежностей“ и проч. и проч. Это миѳологія досужаго воображенія. Мы не имѣемъ основаній при-

---

*) Pieśni ludu ruskiego w Galicyi 1839. т. II. 22.

**) Русск. Б. 1856 № 3, 105—7 въ смѣси.

нять ее, и относимъ Кострубонька, до поры до времени, какъ и „Шума“, къ числу бытовыхъ гаивокъ. Время, можетъ быть, откроетъ данныя къ объясненію этой гаивки.

11.) Володар.

Двѣ дѣвушки берутся за руки такъ, какъ при пѣніи „діброво н'кы“. На руки имъ садится мальчикъ, и онѣ носятъ его кругомъ церкви, а остальныя дѣвушки поютъ:

Володар-володар!
Чи дома господар?
Та нэма його ў дома,
Поіхав по дрова...
Церква замыкана,
Церква одмыкана.
А хто ў тіі церковці?
— Золотее дытятко.
А щож воно робыт?
Золотого ножыка держыт.
А щож воно крае?
Срібнее яблучко.

12.) Крывый танец'.

А ў крывого тан'ця,

Та нэ вывэдут кін'ця.

Треба його выводыты,

Конец йому находыты.

Чэрэз сіны, чэрэз хату

А я молоден'ка

Йду стыхен'ка,

Щоб ключамы нэ брашчаты,

Щоб свэкрухы нэ збудыты.

А збудывшэ, нэ ўгодывшэ,

Медом-выном нэ ўпоівшэ..

Ой най же спыт, най нэ устае,

Щобы моі головон'кы нэ склопотала!

Это гаивка одноключевая и самая извѣстная, такъ-что вошла даже въ пословицу.

13.) Чи дыво. (*)

Чи дыво, чи нэ дыво,

Пішлы дівкы на війну,

Чи дыво, чи нэ дыво,

Молодыці за нымы;

Чи дыво, чи нэ дыво,

А парубкы и собі.

---

*) У г. Терещенка подобная пѣсня помѣщена въ числѣ малорусскихъ свадебныхъ пѣсень (см. ч. II. стр. 548—9). Но въ этой пѣснѣ больше курьознаго.

Чи дыво, чи нэ дыво (*)
Надыбалы дівкы тры городы,
А жiночкы тры лiскы,
А парубкы тры млынкы.
Чи дыво, чи нэ дыво
Пiшлы дiвкы на выно,
Молодыцi за нымы,
А парубкы и собi.
Чи дыво, чи нэ дыво,
Сыдят дiвкы за столом,
Молодыцi пред столом,
А парубкы пiд столом.
Чи дыво, чи нэ дыво,
Пьют дiвкы мед-выно,
А жiночкы горiвку,
А парубкы помыйкы.
Чи дыво, чи нэ дыво,
Iдят дiвкы колачы,
Молодыцi бохон'цi,
А парубкы сухарцi.
Чи дыво, чи нэ дыво,

---

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Бэрут дівкы кітайкы;

Чи дыво, чи нэ дыво,

Молодыці сэрпанкы;

Чи дыво, чи нэ дыво,

А парубкы каглянкы.

Эта и слѣдующая гаивки записаны въ Шарановкѣ. При пѣніи ихъ хороводъ идетъ такъ же, какъ при пѣніи *„кривого тан'ця"*.

14.) Кому воля.

Кому воля—нэволя,

А парубкам своя воля:

За шапочку, за сопілочку,

Тай до коршмы, тай за дівочку.

Кому воля—воля,

А жіночкам нэ своя воля:

Піт порогом порося квічыт;

У пэчі казан біжыт,

У колысці дытя крычыт,

А на пэчі воркун воркотыт...

Порося кажэ: нагодуй мэне

Окріп каже: відсун' мэне

Дытя кажэ: заколыш мэне!

Воркун кажэ: накрый мэне! (*)

15.) Жона та муж. (**)

Это круговая гаивка. Внѣ круга ходитъ дѣвушка, представляющая собою мужа съ прутомъ въ рукѣ. Представляющая собою жену находится среди круга. При концѣ гаивки мужъ врывается въ хороводъ, а жена должна уходить, иначе онъ будетъ бить ее прутомъ. Послѣ этого онѣ играютъ обратныя роли.

Мужъ.

Хто выдав,
Хто слыхав
Мою жону
На торзі?

Хороводъ.

А мы її выдалы,
Собі її узялы.

Мужъ.

Я яблучко піткочу
Свою жону выклычу.

Хороводъ.

Мы яблучко із'зімо,

---

*) По содержанію эта гаивка немного похожа на хороводъ «замужняя жизнь», см. у г. Терещ. ч. IV. 234—5.

**) Основываясь на намекѣ Квитки, можно думать, что этотъ хороводъ извѣстенъ и въ харьк. губ. (Повісті Квіт. выд. п. Кулішом. Пб. 1858 р. т. I. л. 161).

Тобі жоны нэдамо.

Мужъ.

Хто выдав и пр.

Хороводъ.

А мы іі выдалы и пр.

Мужъ.

Я грушэчку піткочу
Свою жону выклычу.

Хороводъ.

Мы грушэчку із'зімо,
Собі жону воз'мемо.

Мужъ.

Хто выдав и пр.

Хороводъ.

А мы іі выдалы и пр.

Мужъ.

Я горівкы наточу,
Свою жону выклычу.

Хороводъ.

Мы горівку выпъемо,
Тобі жоны нэ дамо.

Так. обр. хороводъ продолжается по желанію и по умѣнію играющихъ. Видя, что никакія просьбы

не помогають, мужъ самъ врывается въ хороводъ. Очевидно, что эта гаивка есть сатира на ревнивыхъ мужей.

16.) Прі́с.

Гаивка эта принадлежитъ къ числу двуключевыхъ хороводовъ: каждый ключъ представляетъ собою особую „свашку“.

1-й Ключъ:

Прі́с, свашко, прі́с!
Прі́с, любко, прі́с!
Твій сын лядащыця:
Пішов дрова рубаты,
На дровітню ляг си спаты.

2-й Ключъ:

Прі́с свашко, прі́с!
Прі́с, любко, прі́с!
Твоя дочка лядащыця:
Пішла хату замітаты,
Піт порогом лягла спаты.

1-й Ключъ:

Прі́с, свашко, прі́с!
Прі́с, любко, прі́с!
Твій сын лядащыця:

Пішов коні напуваты,

Над водою ляг си спаты:

2-й Ключъ:

Пріс́, свашко, пріс́!

Пріс́, любко, пріс́!

Твоя дочка лядащыця:

Пішла свыням істы даты,

Та ў барлузі лягла спаты.

1-й Ключъ:

Ідна качка пэченая,

Друга качка вареная...

Суко стара!

Іж ты сама!

2-й Ключъ:

Ідна жаба пэченая,

Друга жаба вареная...

Суко стара!

Іж ты сама!

Эта гаивка есть живой снимокъ съ дѣйствительности. Она воспроизводитъ пересуды „свашок“ и переходъ этихъ пересудъ въ крупную брань.

17.) Жел'ман.

Преданье гласитъ, что во время уніи Жельманъ

жидъ взялъ въ арендное владѣніе церкви. Когда онъ на „вэликден'" не хотѣлъ отворить ихъ, его стали упрашивать и будто бы съ этихъ поръ сохранилась пѣсня. Впрочемъ въ гаивкѣ „Жел'ман" совсѣмъ не то содержаніе, какого бы слѣдовало ожидать, судя по преданію. Можетъ-быть, сохранилось только имя Жельмана, а остальное все измѣнено. Гаивка эта тоже двуключевая. Одинъ ключъ сидитъ, представляя собою семейство Жельмана. Дѣвушка, у которой закрываютъ лице платкомъ, представляетъ собою панну Жельманъ. Другой ключъ, подходя къ сидящимъ, кланяется и поетъ:

Помагай Біг, Жел'ман,
Помагай Біг, іого брат,
Помагай Біг, Жел'манова
И братова и вся Жел'мановы родына.

Сидящій кл:

Богдай здоров, Жел'ман,
Богдай здоров, іого брат,
Бодай здоров Жел'манова
И братова з ўшысткоў родыноў.
Зачым, зачым, Жел'ман?
Зачым-зачым, іого брат?

Зачым-зачым Жел'манова
И братова з ўшысткоў родыноў?

Ключъ 2-й:

За панною Жел'ман,
За панною іого брат,
За панною Жел'мановы
И братовы з ўшысткоў родыноў.

Сидящій кл:

На якый грунт Жел'ман?
На якый грунт іого брат?
На якый грунтъ Жел'манова
И братова з ўшысткоў родыноў?

Ключъ 2-й:

На Жыдівскый Жел'ман,
На Жыдівскый іого брат,
На Жыдівскый Жел'манова
И братова з ўшысткоў родыноў.

Сидящій кл:

А мы панны нэ маем
Иа такый грунт нэ даем,
Идіт собі гет?

Когда послѣдніе три стиха поютъ 2-й ключъ, кланяясь отходитъ. Потомъ опять приближаясь къ

сидящимъ, кланяется и поетъ: „помогай Біг" и. т. д. только вмѣсто того, чтобъ пѣть „на жидівскый" поетъ „на крілівскый", или „на попівскый", или „на пан'скый", или „на мужыцкый" и т. п. На какой „грунтъ" желаютъ отдать „панну", на тотъ и отдаютъ съ слѣдующими словами:

А мы панну маем,
На такый грунт даем.

При этом 2-й ключъ снимаетъ платокъ съ покрытой имъ дѣвушки и ведетъ къ себѣ. Всѣ, участвовавшія во 2-мъ ключѣ, вѣнчаютъ ее. Нельзя не замѣтить, что гаивка эта подвергалась измѣненіямъ, отъ чего затемнена. Припѣвъ является тамъ, гдѣ не слѣдовало бы его ожидать.

Безъ сомнѣнія есть и другія гаивки. Мы не приводимъ здѣсь общеизвѣстныхъ, каковы: *люб, нелюб, горю-дуб* и др. У г. Терещенка упоминается гаивка о *царевнѣ ладѣ* (*) Она извѣстна близь Меджибожа. Къ сожалѣнію мы не слыхали ея. Если еще найдутся гаивки не помѣщенныя здѣсь у насъ, мы будемъ давать имъ мѣсто во 2-мъ отдѣлѣ „Быта". Здѣсь мы не можемъ не упомянуть еще объ одной

*) Б. Р. Н. ч, IV. стр. 303.

великодней игрѣ, которую должно отнести тоже къ дѣгаивкамъ. Если еще мало сошлось на цвинтаръ дѣвушекъ, то играютъ во *„ўтікача"*. Одна дѣвушка садится на землю, а другая стоитъ возлѣ нея. Къ нимъ подходитъ третья и говоритъ:

Христос воскрес.

Стоящая отвѣчаетъ:

Воістыну воскрес.

Первая:

На чім стоіш?

Вторая:

На рынку.

Первая:

Що продаеш?

Вторая:

Дытынку.

Первая:

Що хочэш?

Вторая:

Сім кіп
И сніп,
Сім міхів
Горіхів,

Бочку воды
На тры годы.

Первая:

А я тобі дам клубок валу,
Щоб тобі дорогу оснувало.

Съ этими словами обѣ разбѣгаются въ противоположныя стороны, а послѣ сбѣгаются къ сидящей. Которая прежде пріидетъ къ ней, та и продаетъ ее такимъ же порядкомъ, какъ и прежде.

С.)

Религіозная ступень развитія есть только попытка къ самопознанію и саморазвитію. Но въ ней находится въ зародышѣ вся будущая цивилизація народа. По мѣрѣ народнаго развитія, изъ религіозной сферы выдѣляются искусства и науки, которыя наконецъ получаютъ самостоятельность и исчерпываютъ все содержаніе прежней культуры, потому что составляютъ только высшее развитіе ея. Уже на первой ступени бытія въ каждомъ народѣ есть зародышъ наукъ и искусствъ. Этотъ зародышъ коренится уже въ аморфизмѣ, когда образуется языкъ, фундаментъ, проводникъ и двитатель наукъ и искусствъ. При помощи историко-сравнительной линтвистики можно

прослѣдить формацію понятій и воззрѣній народа въ эту отдаленнѣйшую эпоху, къ которой ничто другое не можетъ привести.

Цивилизація все развиваетъ, все обособляетъ. При содѣйствіи ея, изъ аморфизма мало по малу выдѣляются различныя представленія. При ея содѣйствіи и изъ хоровода мало по малу выдѣляются особыя искусства, которыя, въ эпоху некромантизма и астрализма, являются служебными искусствами, еще неполучившими самостоятельности и служащими дополненіемъ къ хороводу, или просто группируются около него. Эти искусства суть драматическое, котораго хороводъ есть зародышъ, музыка, пѣніе, танцы и декламація.

Также точно должно смотрѣть и на гаивки. Несомнѣнно, что при дальнѣйшемъ развитіи и онѣ пустили бы изъ себя, какъ отпрыски, тѣже искусства. И это произошло бы тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе и естественнѣе подѣйствовала бы на развитіе ихъ цивилизація. Съ ними произошло бы тоже, что и съ Греческими хороводами, если бы явились, какъ это было у Грековъ, какіе нибудь преобразователи ихъ.

Въ началѣ нашей статьи, для объясненія общаго значенія слова гаивка, мы привели слова, съ которыми оно находится въ соотвѣтствіи. Теперь займемся болѣе подробнымъ объясненіемъ этого слова. Это дастъ намъ возможность познакомиться съ міровоззрѣніемъ той эпохи, когда получили начало гаивки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это убѣдитъ насъ и въ томъ, что гаивки, подобно другимъ хороводамъ, получили зародышъ въ некромантизмѣ и окончательно сформировались въ культѣ, непосредственно слѣдовавшемъ за нимъ. Въ южнорусскомъ языкѣ есть слово *гай* (срав. польск gaj, чешск. háj, нѣм. Gain), означающее рощу. Одной формаціи съ этимъ словомъ слѣдующія слова: *гая-тыć, гаі-тыć, гаі-ты, гóі-тыся, гаі-вка*. У каждого народа бываетъ эпоха боготворенія лѣсовъ и рощей: лѣсъ первый храмъ, первое святилище народа (*). Тоже было и у славянъ. Лѣтописцы часто упоминаютъ о языческихъ обрядахъ, совершаемыхъ славянами у рощенья и у воды. Мы смотримъ на гаивки, какъ на остатокъ этого культа. Это доказывается не только формаціею слова „гаивка“, но и сравненіемъ гаивокъ съ подобными имъ обрядами и самымъ временемъ

*) Narbutt: Истор. лит. нар. Wilno. 1835. т. I. стр 215—16.

совершенія ихъ. Это вешній праздникъ, отправляемый тогда, когда только что начинаютъ развиваться рощи. Но рядомъ съ этимъ культомъ въ гаивкахъ есть слѣды и некромантическаго элемента. Присутствіе его доказывается тѣмъ, что гаивки или гаилки тождественны съ русалками, равно и тѣмъ, что гаивки отправляются только на „цвинтарѣ“.

Что сближеніе слова „гаивка“ съ словомъ „гай“ не есть наше произвольное толкованіе, на это мы имѣемъ доказательство въ томъ, что тотъ же обрядъ называется просто *gaikiem*. Мы знаемъ это, благодаря статьѣ г. Грайнерта „Studya nad podaniami“. Вотъ мѣсто изъ этой статьи, сюда относящееся. Онъ говоритъ, между прочимъ, что „w Kaliskiem“ дѣвицы на свѣтлое воскресеніе обходятъ дома „z choiną, pięknie się zaokrąglającą w góry, którą opasują różnokolorowemi wstęgami i blyskotkami, śpiewając przytém ładne piosnki (*). Zwyczaj ten *gaikiem* się zowie, i ma zródło w poganskiem święcie Haiłek, obchodzoném na cześć wiosny przy uroczy-

*) Жаль, что г. Грайнертъ не представилъ ни одной изъ нихъ. Мы имѣли бы возможность сравнить ихъ съ нашими гаивками.

stych śpiewach. Hailki zaś, inaczej wiośnianki zwane, były to nadprzyrodzone śpiewaczki, kryjące się w gajach i *tarzycach,* czyli tataraku i trzcinie, skąd święto to w naszej mitołogii inaczej *turzycą* się zowie. Swięto to zmieniło się następnie na zielone swiątki, pod czas których, jak i dawnéj zapewnie było, rzuca się tatarak na podłogi. W ogóle święta kogutka, Sailek i tarzyc na jedno prawie wychodzą" (*). Мы привели эту длинную выписку для того, что она пригодится намъ ниже.

Хотя теперешній смыслъ словъ: „гаі-тыć, гаятыć (=терять время по пусту) и не указываютъ на соотвѣтствіе этихъ словъ со словами гай и гаивка, но это ничего не значитъ: теперешній смыслъ ихъ образовался подъ вліяніемъ христіанства, когда стали отрицать языческіе обряды. Прежде эти слова означали: „совершать требы въ рощѣ, молиться, вообще совершать религіозные обряды". Такое значеніе этихъ словъ сохранилось въ словѣ *говѣть* (в здѣсь эвфоническое), которое тоже одной формаціи съ приведенными нами словами. Что въ словѣ говѣть

*) Bibl. Warsz. 1859 г. № 29 стр. 508 и слѣд.

дѣйствительно есть языческое представленіе, это доказывается тѣмъ, что есть слово *благо*говѣть оно чисто христіанской формаціи.

Мы не даромъ также рядомъ съ прежними словами поставили слово „гоітыс" (=исцѣляться). Оно тоже одной формаціи съ словомъ гай (а ниспало здѣсь до звука о), и заключаетъ въ себѣ отпечатокъ древнѣйшаго міровоззрѣція. Извѣстно, что больныхъ для исцѣленія приносили въ священныя рощи (гаи). Извѣстно также, что „въ древности ходили въ священныя рощи снимать кору съ деревьевъ: березы, липы и дуба, и прикладывали ее къ ранамъ (*)". И теперь еще знахари часто носятъ дѣтей въ лѣсъ (особенно березовый и дубовый) для исцѣленія ихъ отъ разныхъ болѣзней. И теперь еше извѣстны заговоры отъ болѣзней съ обращеніемъ къ лѣсу: „лісун-лісунец'".

Наши гаивки извѣстны въ разныхъ мѣстахъ, только подъ другими именами. Судя по названію и описанію *gaik*'а, онѣ имѣютъ съ нимъ ближайшее сходство. Г. Грайнертъ отождествляетъ обрядъ *gaik* съ обрядомъ kogutka (пѣтуха). По этому и гаивки

*) Терещ. ч. VI. 197.

наши имѣютъ съ нимъ аналогію. Обрядъ kogutka извѣстенъ у мазовшанъ и великополянъ, и совершается на свѣтлое воскресеніе. Хлопцы привязываютъ къ двумъ колесамъ пѣтуха (иногда деревяннаго), ходятъ отъ одного дома къ другому и поютъ длинную пѣсьню, сложенную на этотъ случай. Этотъ обрядъ можно сблизить съ украинскимъ: на Украйнѣ носятъ деревяную ласточку, и поютъ пѣсни въ честь весны(*). Опъ имѣетъ также отношеніе къ литовскому *волочебнику*, извѣстному и въ смоленской губерніи (**). Наши гаивки имѣютъ также сходство съ однимъ литовскимъ обрядомъ. „Въ Литвѣ на 3-й день свѣтлаго воскресенія, собираются изъ деревни дѣвушки и мущины въ одинъ домъ. Тамъ поютъ сначала разныя пѣсни, а потомъ пляшутъ танецъ *гiагузи*. Дѣвица особой красоты управляетъ этимъ танцемъ и называется *зозулею* giegiely (***). О сходствѣ нашихъ гаивокъ съ южно-русскими веснянками и танками, а также съ весенними русскими хороводами, особенно съ обрядами красной горки, нечего и говорить. Г. Грайнертъ видитъ въ „гаилкахъ“ сверхъ-

*) Терещ. ч. V. 9.
**) Тамъ-же ч. VI. 106—110.
***) Тамъ-же ч. V. 49.

естественныя женскія существа и отождествляетъ ихъ съ веснянками. Замѣчательно, что и у Литовцевъ Gajła имѣетъ такое же значеніе. У Аравитянъ Gajlau тождественъ съ нашимъ лѣшимъ. (*) Нельзя не признать, что гаивки принадлежатъ къ той же породѣ существъ, къ какой относятся *веснянки, роженицы, русалки, вилы, мавки* (потэрчата), *гречухи* и греческія *телоніи*. Гаивскія пѣсни и хороводы суть остатки обрядовой стороны культа этихъ существъ.

---

*) Narbutt: т. I. 80.



ОТДѢЛЪ II.

БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

А.) Рекрутскія.

1.

Задумав я жэнытыся,
Задумав жінку маты...
Ўзялы мэне у салдаты.
Ўзялы мэне и спіймалы,
Назад рукы извъязалы 2.
Штырэ хлопці варты далы 2.
Щей коныків загадалы 2.
„Ід'тэ, хлопці, поганяйтэ,
„На некруты поглядайтэ 2,
„Щоб коныків нэ стомыты,
„Щоб некрута нэ згубыты“ 2.

Прыіхалы до губерні—
Віч'чыняют еклян'ні двері 2.
Пытаец'ця губэрнатор:
„Чи є ў тебе отец'-матер? 2.
—Ой є ў мене отец'-маты,
Ідна сэстра, щей два браты 2;
Щей сам хлопэц' нэ жонатый 2.—
„Ой колы ж ты нэ жонатый—
„Ступай же ты у салдаты!"

—

Ўзялы ж його у світлон'ку,
Обголылы головон'ку 2.
Головон'ку обголылы,
Кватырон'ку відділылы.
„Лягай, некрут, высыпляйся,
На учен'не пробуцайся!"
Ой ляг некрут тай байдуже!
Прокинэц'ця, тай ден' дужэ:
„Біднаж моя головон'ка,
Щей чужая сторонон'ка!
Ні батен'ка, ні матусі,
Ні рідней'кої сэструсі;
Нэ ма кому рано ўстаты—

На учен'не пробудыты!"

(Списана въ Старо-Шарапановкѣ Ольгопольскаго уѣзда 1857 года).

2.

Ой узялы козака у салдаты,
За ным плачэ та стара маты.
Нэ плач, маты, бо ты ўже старая,
Нэхай плачэ жона молодая.
Ой у жоны та дрібнії діты:
„Ой Божэ ж мій! Завъязаный світэ?
Куда ідеш? Куда выіж'џаеш?
Кому ж мэне молоду лышаеш?"
— Ой лышаю тя споду Богу,
А сам іду ў далеку дорогу.
Ой у жоны та дрібнії діты...
Ой Божэ ж мій! Завъязаный світэ!—

(Записана тамъ же).

3.

Ой зашуміла густая ліщына,(*)
Тай щось ся нэ розвыла.
Ой росплакалысь хлопці-молоц'ці,

*) Начиная съ этой пѣсни, всѣ послѣдующія рекрутскія пѣсни записаны М. Лещинскимъ въ Большой или Жабокрицкой Тернавкѣ Ольгопольскаго уѣзда 1855 г.

Та що ся нэ жэнылы

* * *

Ой нэ жэнылыс́, ох нэ жэнылыс́,
Жэнытыс́ нэ будут;
Ой прыйшла карта від Государа,
Що ўже хлопців браты будут.

* * *

Ох як забралы хлопці молодіі,
Отец' й маты нэ знала.
Ох як повезлы у Каменец-Поділ'с́кый
Та як та чорная хмара.

* * *

Ой знаты-знаты тоту рыбку ў морі
Мэжэ тымы окунямы.
Ой знаты знаты хазяйс́кого сына
Мэжэ тымы бурлакамы.

* * *

Ой сыдят бурлакы, тай кінец стола,
Та ў супілку грают,
Хазяйс́кый сын стоіт тай коло порога,
Серця ж жалю умліває.

* * *

Луч'чэ було б, моя рідня маты,

Мэне у купілі зал'яты,
Ніж нас малы такых молоден'кых
У нэволю забраты!

* * *

Луч'че було б, моя рідня мамы,
Під серцем мя задушыты,
Ніжліб мав я, такый молоден'кый,
Так тяшко тужыты!“

4.

Ой помер отец', померла маты,—
Зіставэмся сыротою.
Побыла сыроту лыхая годына,
Та щей дві, нэ ідна!

* * *

Ой служыв бы я та у свого пана,
Та ў некруты воз'мут;
Ой пішов бы я ў чужу сторононочку—
Коновоіом прыведут.

* * *

Ой як прывелы бідного сыроту
Та у Балту городец';
Гей чешут-чешут та чорніі кудрі
Та на новый грэбінец'.

Гей чешут-чешут та чорніі кудрі,
Та волосок нэ паде:
Гей тішылыся зліі ворожен'кы,
Що сырота ӯ некруты йде.

5.

Гей крыкнув окоман:
„Давай соц'кый пошту,-
Коні вороніі,
Та повэзем до прыіому
Хлопці молодіі."
Чэкай-чэкай, соц'кый!
Чэкай, нэхай станэм,
Нэхай станэм-подывымся,
Ӯсіому мыру поклонымся.—
Ой прывезлы хлопців
Та ӯ Балту під браму:
„Становіц'ця, паны-браты,
Та ӯсе ӯ ідну лаву!"
Надлэтілы орлы
З высокоі горы...
Заплакалы хлопці-молоц'ці,
Сэдючы ӯ нэволі.
Нэтак заплакалы,
Як заголосылы:

Ў кого ж мы ся, рідні-брат'тя,
Цього дослужылы.
Чи ў Господа-Бога,
Чи ў свої громады,
Що нас такых молоден'кых
Ў рекруты забралы?
Як ў Господа-Бога—
Допоможы Божэ!
Як ў нашої лыхої громады—
Скарай її, Божэ!
Скарай же і, Божэ,
На душі на тілі,
Що мы сыдымо ў нэволі
Хлопці молодії!"

6.

Ох вы, галочкы-золотопірочкы? (*)
Вы піднімітэся ў гору.
Ох вы, рекруты-молоді хлопці,
А вэрнітэся до дому!

* * *

Ой раді ж бы мы та піднятыся,

*) См. воріантъ этой пѣсни въ сборникѣ изд. въ С-Пб. 1836 г. (Лукашевичомъ) стр. 86.

Та туман налягае...
Ой раді ж бы мы та вэрнутыся,—
Государ нэ пускае.

* * *

Нэ так Государ, нэ так Государ,
Як Государская маты.
Ой хочэ намы та рекрутамы
Ўсю Пол'щу звуюваты.

7.

Прыйшов соц'кый, прыйшов віт,
Сталы ряду рядоват',
Гей сталы ряду рядоват'.
Сталы ряду рядоват'—
Кого бы тут ў війско ўзят',
Гей кого бы тут ў війско ўзят'?
„Воз'мемо мы богача,—
Богач у нас выкупыц'ця,
Гей богач у нас выкупыц'ця.
„Воз'мемо мы бідного,—
Бідный у нас выпросыц'ця,
Гей бідный у нас выпросыц'ця.
„Воз'мемо мы того молоц'ця,
Що ні нен'кы ні оц'ця,

Гей що ні нен'кы, ні оц'ця.
Тіл'ко ідна сэстра є,
Тай та за ным жалує,
Гей тай та за ным жалує".

Сэстра теє очула,
Тай до брата махнула,
Гей тай до брата махнула.

—Тікай ты, мій рідній брат,
Хотят тэбе ў війско ўзят',
Гей хотят тэбе ў війско ўзят'—

А брат ўтікав по-під пліт,
Та сховався ў жытній сніп,
Гей та сховався ў жытній сніп,

Ніжкы-ручкы звъязалы,
До прыïому прывезлы,
Гей до прыïому прывезлы.

Повезлы го у Гайсын:
„Це пъяныця сукын сын!"
Гей це пъяныця сукын сын.
Повезлы го ў Камъянец'
„Славный хлопэц' молодец'!"
Гей славный хлопэц' молодец'.

Б.) Пѣсни чумацкія.

8.

Ой чумачэ, чумачэ!
Жыт'тя твое собачэ.
Чом нэ сіеш, нэ ореш?
Чом нэ рано с Крыму йдеш?
Чом нэ рано с Крыму йдеш,—
Ўсіх чумаків нэ вэдеш?
—Ой я сію и ору—
Ой я рано с Крыму йду
Ўсіх чумаків я вэду,
Тіл'ко нэ ма ідного,
Брата мого рідного.
Він зостався у Крыму—
Брати солі на вагу.
Зробылася прычына,—
Сіл' головку прыбыла...
Шукав іого нэ найшов,
Забрав волы, тай пішов.—
„Атаманэ, бат'ку, наш!
Порад' же ты добрэ нас:
Що мы маем робыты—
Нічым коні кормыты»?

—Косіт, хлопці, лободу,
Прывыкайте на біду.
Косіт, хлопці, отаву,
Пасіт коні на славу!
Косіт, хлопці, мітлыцю,
Накрывайте пшэныцю.
Косіт, хлопці, осоку,
Пасіт коні до смаку.
Косіт, хлопці, и овес,
Поідэмо до Адєс;
А ў Адєсах рідна мат'
Нэ даст' же нам загыбат'!—

9.

Ой пішов чумак ў далеку дорогу,
Помолывшэся Богу:
Ой щасты, Божэ, іому чумакові,
Та ў далекі дорозі!
Ой пішов чумак помэжэ возамы,
Тай на віз похылывся;
Ой прысоталас до серден'ка туга,
Тай нэ можэ вітчіпыц'ця.
Ой вы хлопці, молоді молоц'ці!
Ой вы до того й гожі:

Ой а зробіте іому чумакові,
Та домовыну з рогожі.
Ой вы хлопці, славніі молоц'ці,
А зійдітеся зранку;
Ой а зробіте сему чумакові,
Хоц' прэтыкою ямку.

10.

Ой як ожэнывся,
То уже пропав;
Дужэ помылывся,
Сам собі сказав.
Луч'чэ б нэ жэныц'ця
Вовік ні на ком,
Ў Крым по сіл' ходыты,
Звац'ця чумаком.
А тэпер ўсі знают,
Що я нэ чумак,
З вулыці зганяют,
Що я сем бурлак.
Луч'чэ бы пропало
Збіжэн'ко моє,
Та щобы нэ знало
Лышэн'ко мэне!

11.

Ой я чумак нэсчаслывый,
Ж журбы, з лыха ледвэ жывый.
Ой іхав я до Адесы,
Та мав грошэй два чэресы;
А з Адесы повэртаю,
Ні копіочкы нэ маю.

12.

Пішов Мусій да ў Крым посіл'
Сірымы воламы;
Оглянец'ця назад себе,
Ўмыец'ця сліозамы.
„Допоможы мэні, Божэ,
Тут солі набраты;
Ой щоб мою любую дівчыну,
Та ў бэндах застаты!—
Надобрыден', дівчынон'ко,
Та у свої хаті!—
—Ой нэ сідай коло мене
Рукав поваляты.
Ой як будеш штырэ волы маты,
Щей чэрвону шапку,
Тоді ж бо ты мого оц'ця-матку

Назвеш пані-маткой!—
Ой йде Мусій та дорогою,
Аж у саду вышня....
Пытаец'ця та дівчынон'кы—
Чого така пышна?
—Ой козачэ-козачен'ку!
Того ж бо я пышна—
Ой бо ў мої та матінкы
Тры нызкы намыста.—

В.) Пѣсня Сапожниковъ.

Коло броду, броду
Брало дівча воду...
Вандрували два шевчыкы
Хороші на ўроду.
„Нарай, нарай, дівчынон'ко,
Певную господу!"
—Ой ў строзі на розі
Певная господа:
Майстэр старый,
Хлопэц' малый,
Майстрова молода.—
Дав ім майстэр
Чоботы краяты,

А сам пішов на весь тыждэн'
До коршмы гуляты...
Крают шэвці, крают,
Та ўже й докравают,
На молоду майстрову
З ока поглядают.
„Ой ты, майстрово,
Маеш грошэй много —
Вандруй, вандруй з намы,
Покыдай старого!“
Ніхто ж того тай нэ знає,
Тіл'ко майстрів хлопэц',
Шукаючэ, пытаючэ
Пана майстра свого.
„Ой ты, майстрэ, пъєш мед та горівку,
А ўже твоя майстрова
Давно пішла на вандрівку!“
—Сідлай, хлопчэ, коня,
Сідлай вороного,
А для менэ щей другого,
Та поідем доганяты
Шэвця молодого.
Догонылы майстрову

По пэред Дунаю;
А вона му вітповіла:
„Я тэбе нэ знаю!“
А Ўзяв майстэр майстрову
По-під білі бокы,
Кынув майстэр майстрову
На Дунай глибокый.
Плыне, плыне майстрова,
Як на воді лутка....
„Воз'мы, воз'мы мня, старен'кый,—
Я твоя голубка!“
Плыне, плыне майстрова
Віт клаткы до клаткы,
Щобы знала й памъятала
Яки шевски здрадкы.

(Записана въ Каменцѣ 1851 года).

Коломейки.

I.

Гадаюся жэнытон'кы, та нэ ма з-зачого: (*)
Нэ стае ми десіт' грошэй до півзолотого!

---

*) Въ сборникѣ Вацлава зъ Олеска и у г. Лукашевича есть варіантъ этой коломейки. Во 2-мъ № О. З. за 1853 г. она помѣщена въ числѣ любимыхъ пѣсень Гоголя (см. въ смѣси стр. 113).

II.

Дывуец'ця дысятнык,
Що мужык бідуе:
Дэре пан, дэре жыд,
Щей піп нэ даруе!

(Въ м. Дунаевцахъ 1849).

III

И ты козак, и я козак,
Обыдва мы козакы;
Ты без грошэй, а я босый, —
Обыдва мы дуракы.

IV.

Пішлы наши козачэн'кы,
Тіл'ко шапкы вытко;
Зісталася сама шляхта,
Дывытыся гытко!
Пішлы наши козачен'кы,
Тай сталы обозом;
Молодыці пішлы пішкы,
А дівчата возом.

(С. Могилёвка 1847).

V.

Як на ставу, так на ріц'ці, (*)
Дайте покій тій Марійці!
Выдно-выдно що Марія,
Бо смієц'ця каналія.
Як на ставу, так на ріц'ці,
Подобався козак дівці,
А дівчына козакові,
Бо ў дівчыны чорні бровы.
Лісом, лісом-дубыною,
Ячмін' жала сокырою,
Коцюбою громадыла,
Козачен'ка прынадыла.
Ище буду громадыты,
Щоб другого принадыты.

(Въ Каменцѣ 1858 г.)

VI.

Качкы гречку шшолопалы...
Що ж я бідный буду мав?

---

*) Въ сборникѣ Вацлава зъ Олеска есть варіантъ этой пѣсни. Онъ перепечатанъ въ сборникѣ Лукашевича (с.-пб. 1836) и въ сказаніяхъ Р. народа Сахарова (изд 3). т. I. к.3 стр. 267.

А ўсім хлопцям по дівчыні,
Мэні дітко бабу ўпхав.
Я на бабі нэ утрачу:
Продам бабу, куплю клячу;
Кляча здохнэ-шкуру злуплю,
А за шкуру панну куплю.

(Тамъ же 1850 г).

VII.

Катэрына—матэырна,
А я батків сын;
Катэрыну маты была,
А я выпросыв.

VIII.

Комарі гудут—
Спаты нэ дают...
Сховаю я головонку
Ў ячміннную половонку,
Най собі тнут!

(Въ с. Чеботаркѣ Ольгопол. уѣзда).

IX.

Ой ты знав, на-що-с брав:
Я нэ твоя рівня;
Бо ты ткач-ныткоплут,

А я боднарівна.

Ой ты знав на-щоć брав

Таку нэ вэличку:

Мэне мама тудувала,

Як пэрэпылычку!

Ой ты знав на-щоć брав:

Я нэ ўмію жаты,—

Будэ твоя пшэнычэн'ка

Ў полю зімуваты.

Ой ты знав, на-щоć брав

Міщаночку з міста:

Я нэ іла и нэ буду

Ячмінного тіста!

(Въ Каменцѣ 1851 г).

X.

По ярмарку ходыла (*)

Біду собі купыла,

Та за своі гроши.

Кажут біду любыты—

Біда нэ хорошый!

И старый, и сліпый,

*) Въ «Б. р. народа» есть нѣсколько стиховъ изъ этой коломейки. см. ч. II. стр. 557.

И ныского зросту...
Прыходыц'ця утопытыс
З высокого мосту!

XI.

Ой вы людэ вы сусіды!
Нэ бачылы мої жінкы?
Моя жінка знакомыта:
Задріпана на ні свыта;
И на ногу налягае,
И на плечах горбык мае.
По-під носык шмаркатен'ка,
И на очи каправен'ка.

(Обѣ эти коломейки записаны въ Каменцѣ 1858 г).

XII.

Похылывся дуб на дуба,
Явір на калыну.
Похвалывся ідеи дурэн',
Що я за ным гыну.
А я явір пэрэскочу,
Що й нэ дотулюся;
А я дурня занэхаю,
Щой нэ подывлюся.

Я ячменю нэ сіяла,—
Нэ буду й косыты;
А я дурня нэ гнівыла,—
Нэ буду й просыты.
Сам ся ячмін' посіяв.
Сам ся ячмін' й скосыт;
Сам ся дурэн' нагнівав,
Сам ся й пэрэпросыт!

(Въ Каменцѣ 1855 г).

XIII.

А я Ган'ѕі волы пас,
Мені Ган'ѕя штан'ці даст;
А я штан'ців нэ хочу,
Коло Ган'ѕі торкочу.

(Въ Березкахъ-Бершадскихъ Ольгопольскаго уѣзда 1857 г).

XIV.

Умер бат'ко—байдужэ!
Ўмерла маты—байдужэ!
Умер мылый чорнобрывый—
Жал' мэні го дужэ!
И за бат'ка—*оч'чэнаш!*
И за матку—*оч'чэнаш!*

За мылого душу

Тан'цюваты мушу.

(Въ м. Китай-городѣ 1847 г).

